

СЕРГЕЙ УСКОВ

ТОПОР ХХІ ВЕКА



НОВЕЛЛА

РАССКАЗЫ

Сергей Усков
Топор XXI века

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Усков С. Ю.

Топор XXI века / С. Ю. Усков — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Рассказы о различных жизненных ситуациях, в которые попадают герои современного общества. В сборник включена также и опубликованная ранее отдельным изданием новелла, под названием "Форумы, блоги, соцсети и другие ресурсы в Интернете", где в гротескной форме показано, к чему может привести чрезвычайная зависимость от Интернет-общения.

Личная трагедия

Рассказ

...Находящийся в областном городе N научно-исследовательский институт (сокращенно НИИ), с одной стороны, был слишком велик, чтобы его не затронули бури девяностых годов XX века, но с другой – слишком важен для одной из отраслей народного хозяйства молодой России... Точнее я сказать не могу по причине секретности. В результате одно уравновесило другое, и ко второму десятилетию XXI века этот головной НИИ подошел почти без потерь как работников, так и помещений, что служило поводом для зависти сокращенных сотрудников других НИИ, которым не посчастливилось заниматься таким нужным стране делом...

И, пока в помещениях лабораторий этих несчастных институтов осваивались коммерческие структуры, наш славный НИИ продолжал трудиться на благо страны. Точнее, продолжали трудиться те, кто еще не забыл, что такое коммунистический субботник и водка за четыре рубля семьдесят копеек. Те, кто лично снимал со стен портреты Ильича и для кого фамилия Пастухов не была просто фамилией...

Здание, построенное в середине шестидесятых из блоков и желтого кирпича, имело всего четыре этажа; зато длина его, хоть и была много меньше семисот тридцати шести метров – длины знаменитого московского НИИ на Варшавском шоссе, тоже являлась гордостью всего города: это было самое длинное здание в нём. Однако данная особенность никак не мешала работе: для перемещения между этажами имелось целых четыре лифта, не считая грузового.

Правда, столовая находилась почему-то отдельно; чтобы посетить ее, требовалось выйти на улицу. Впрочем, работники старой закалки ею и не пользовались, ибо знали поварих, а посему «всё понимали правильно». От закрытия столовую спасали крупный автотехцентр да множество шайтан-автосервисов, облепивших его, как чумазые попрошайки – респектабельного господина. Менеджеры автотехцентра шли в столовую, глядя в смартфон, с наушниками в ушах. Они ставили тарелки на поднос, ели, расплачивались и уходили, не выпуская смартфона из рук и не вынимая наушников из ушей. Качество еды и вес порции их не интересовали совершенно. Работников автосервисов это не интересовало тоже. Данный контингент позволял столовой иметь рентабельность, а поварихам – сносную зарплату и уверенность в сытом завтрашнем дне.

Администрация НИИ располагалась на последнем этаже. Она состояла из директора, его заместителей, главного инженера, бухгалтерии и отделов: планирования, труда и зарплаты, снабжения и административно-хозяйственного.

На третьем этаже были кабинеты докторов наук, руководителей отделов, проектов и направлений, филиалы кафедр региональных вузов.

Второй этаж занимали лаборатории, экспериментальные установки и конференц-зал.

На первом имелись небольшое опытное производство, маленькая типография, бытовые помещения для водителей и охраны, а также склад.

Отлаженная за десятилетия система функционировала без сбоев – НИИ выдавал некие результаты, за что и получал некое финансирование... Впрочем, зарплата сотрудников оставляла желать лучшего; однако стабильность ее выплаты, вольное отношение к рабочему времени и невозможность перетрудиться привлекали и молодежь – ту, которая не хотела «пахать на дядю» ненормированно и без карьерных перспектив, несмотря на обещание последних при устройстве. Да еще и за зарплату в конверте и ненамного больше приносимой в дом родителями, посвятившими жизнь «науке и производству», а не перепродаже...

Однако наряду с такими «приспособленцами» в штате НИИ числилось и некоторое количество амбициозных молодых ученых, желающих заниматься наукой, чтобы внести свой вклад в процветание России.

Коллектив НИИ жил жизнью, мало отличающейся от жизни героев кинофильма «Служебный роман»; сплетни и ссоры не выходили за рамки приличия, праздники отмечались «всем миром» за одним столом, на похороны скидывались также «всем миром»... Но главное – происходила некая ротация кадров: вместо проработавших уже лет десять на пенсии выдвигались более молодые – из тех, кому до пенсии оставалось еще несколько лет... Впрочем, не забывали и настоящих молодых: их рацпредложения внедрялись, а диссертациям давался ход!

Директор лично беседовал с «молодыми дарованиями». Умилялся таланту и настойчивости, вспоминал свою молодость. Обещал всяческое содействие в продвижении. Дома за ужином с жаром рассказывал о перспективах науки и своих молодых ученых, способных построить современную, конкурентоспособную на мировой арене страну. Его морщины разглаживались, а недуги шли побоку.

«Молодые» воодушевлялись и в соцсетях «добавлялись в друзья» к директору и прочему начальству, странички которых вели их дети.

С девяти утра до восемнадцати вечера улей гудел: лифты исправно перемещали народ с этажа на этаж, в курилках рабочие и инженеры обсуждали последние новости, лаборантка восхищалась нарядом главного бухгалтера, а по коридорам туда-сюда с озабоченным видом двигались служащие с папками под мышкой: так всегда поступают люди, которые никому не нужны.

Это продолжалось бы и дальше, а стало быть, писать сей рассказ мне не имело бы смысла, если бы однажды не сломался один из лифтов...

Прибывшие ремонтники выяснили, что в лифте вышла из строя деталь, непосредственно влияющая на безопасность. Проверив оставшиеся лифты, они вынесли вердикт: замене подлежат аналогичные части во всех лифтах, ибо лишь по счастливой случайности не произошло трагедии...

Впрочем, трагедия всё же произошла! Лифты были импортного производства.

Мастера собрали инструмент, написали название детали и даже обещали прислать сканы техдокументации. Детали же предложили найти и выкупить самостоятельно, обещая немедленно и бесплатно установить их на место, как только они будут получены.

Директор дал задание главному инженеру, а тот – своему заместителю. Заместитель привлек инженеров, а те попросили разобраться в этом техников. А поскольку ниже техников находились лишь рабочие, им пришлось решать проблему самим. Дочь одного из них написала на хорошем английском письмо в фирму-изготовитель этих лифтов, используя шаблон деловой переписки, скачанный из Интернета.

Пришедший ответ был немедленно переведен и передан по цепочке руководству НИИ.

Ответ был краток: выражалось радостное удивление запредельно долгой работой их лифта; однако искомая запчасть имелась лишь в заводском музее. Они были очень опечалены этим фактом и советовали заменить лифты на новые. Производства их фирмы.

Убитый горем директор написал эмоциональное письмо в министерство. Там обещали разобраться и принять меры. Зная скорость их работы и принципы выделения квот, директор понял, что в ближайшие полгода ему придется подниматься к себе в кабинет по лестнице.

Главный инженер напомнил о грузовом лифте. Правда, из-за небольших размеров он оправдывал свое название лишь внешним видом, ибо был грязен и ржав. Им долгое время не пользовались: со всеми грузами отлично справлялись пассажирские лифты.

Директор осмотрел лифт и поручил привести его в надлежащее состояние.

Рабочие НИИ, которым подходило определение «русский мастеровой человек», покрасили лифт снаружи, обили его пластиком «под дерево» изнутри, а на пол постелили ковер. Провели телефон для связи с диспетчером, повесили зеркало и поставили стул. Ремонтники проверили лифт и не нашли проблем. Он был отечественного производства: запчасти имелись в наличии.

Директор забрал лифт себе.

Отныне пользоваться им могли лишь немногочисленные уважаемые люди, имеющие кабинеты на третьем и четвертом этажах; для всех остальных существовал негласный запрет. Директор – тучный пожилой человек – очень опасался, что этот лифт сломается раньше, чем высокое руководство придумает, как поступить с пассажирскими лифтами...

Всем работникам НИИ, за редчайшим исключением, пришлось пользоваться лестницами. И если для молодых это не представляло проблемы, то пожилым пришлось несладко. Трагизма добавляло то, что лестниц было всего две, и те – в торцах здания, поэтому всем работникам приходилось еще и преодолевать больше сотни метров от парадного входа до лестницы. А тем, чьи кабинеты находились в центре здания, – еще столько же до кабинета. И обратно так же. А если нужно посетить кого-то на другом этаже? Да не один раз?!

Многие восприняли отсутствие лифтов как личную трагедию.

Несколько дней весь коллектив обсуждал только эту новость. Сторонники здорового образа жизни находились в явном меньшинстве.

Дело усугублялось тем, что катастрофа произошла в конце осени: рассчитывать на то, что за время отпуска лифт починят, не приходилось.

...Традиционные посиделки в канун Нового года внешне ничем не отличались от прежних; однако в воздухе витало напряжение... Месяц с момента аварии изменил людей: во взглядах плескались усталость и грусть. Первый тост подняли за женщин – бедняжки за утро «накрутили» многие километры, курсируя между этажами с салатами, заливным и пирогами. Второй – персонально за отсутствующую Наденьку Алтунину, молодую лаборантку, которая убежала домой в слезах. Причиной явилось непреодолимое желание подняться на «директорском» лифте, ибо ее руки были заняты блюдами, а сердечко уже выпрыгивало из груди от беготни по лестницам. Завидев закрывающиеся двери, с криком «Ой, подождите меня!» Надежда влетела в лифт, двери которого предупредительно придержала нога главного инженера. Препятствием, остановившим Надю, явился сам главный. Точнее, его круглый живот, куда уткнулась большая тарелка... Часть селедки под шубой живописно украсила дорогую белую сорочку, подаренную супругой к празднику.

Первым действием директора в новом году было уточнение негласных списков пользователей лифта: они сократились наполовину.

Впрочем, скоро импульсивные желания сотрудников подняться на другой этаж для обсуждения последних новостей или интересных покупок как-то... сошли на нет, так что большую часть времени «директорский» лифт простаивал.

Пожилые перешли на общение по телефону, молодые – в социальных сетях.

Однако впоследствии такие контакты почти прекратились: дозвониться на третий этаж с первого стало немного... сложно. Лишившись каждодневного личного общения, инженеры и рабочие, а также начальство и подчиненные охладели друг к другу: кто-то припомнил давнюю обиду, в ком-то взошла зависть, а кто-то стал задумываться в тиши кабинета: «А не подсидят ли меня? Всё ли я, добрый и наивный, знаю о тех змеях, что пригрел на своей груди?!»

Общение по рабочим вопросам свелось к минимуму; в крайнем случае с документами «наверх» посылали молодых – таким образом, у последних вместо тренировки мозга тренировались ноги. Талантливые и амбициозные написали заявления «по собственному»; остались лишь те, кому было «всё равно».

Постепенно на каждом этаже сформировался свой коллектив, внутри которого и происходило общение.

Рабочие на первом этаже употребляли паленую водку и домашние соленья, играли в домино, обсуждали бытовые проблемы да ругали власти.

Инженеры на втором пили проверенную «беленькую», закусывали продуктами из сетевых магазинов, говорили о демократии, будущем науки и техническом прогрессе.

Ученые на третьем кушали дорогие продукты под коньяк, обсуждали религию, политику и устройство мира.

Руководство на четвертом смаковало элитный алкоголь и деликатесы, обсуждало финансовое будущее своих семей в свете мировых событий и новых указов российских властей.

Ничего общего у этих этажей, протянувшихся горизонталью более чем на двести метров, не было.

И лишь наивная молодежь, верящая в соцсети, открытое общество, а также во все лучшее сразу, не догадалась, что произошло: она по-прежнему «добавляла в друзья» ученых и руководителей; «лайкала» их сообщения и писала комментарии к ним; поздравляла их с днем рождения, Новым годом, Двадцать третьим февраля и Восьмым марта.

Однако даже к молодым со временем пришло понимание: они так и останутся работать на первом или втором этаже и никогда не смогут подняться на третий, не говоря уж про четвертый...

Они запоем читали статьи в лентах соцсетей, дружили с зарубежными сверстниками, а затем... приходили на работу и с тоской понимали, что жизнь устроена вовсе не так, как пишут в Интернете. От этого у некоторых развилась депрессия с раздвоением личности.

Впрочем, за исключением отдельных впечатлительных юношей и девушек (которых в НИИ становилось всё меньше и меньше), другие работники постепенно приспособились к этой новой реальности: их коллективы на нижних этажах стали более сплоченными, а сами люди – более трезвомыслящими и прагматичными. Вместо общения «ни о чём» с работниками высших этажей они тратили время на вязание, вытачивание сломанной детали для миксера, попытку ремонта компьютера и поиски в Интернете китайских копий элитных смартфонов и часов.

Произошли изменения и в головах начальства: ведь многие поднялись на верхние этажи вовсе не из-за научных открытий или управленческих талантов... Их прошиб холодный пот – они поняли, от какой катастрофы их спасла судьба! Люди «закрылись», стали серьезнее и сосредоточеннее; аккуратно подбирали слова даже при общении в узком кругу, ревизию которого также провели. Речи же на публике, наоборот, стали многословнее и витиеватее – они старались сказать много, не сказав, по сути, ничего. Ощущение, что под ними не бетонные перекрытия нижних этажей, а кипящая лава, могущая поглотить их в один миг, если они замешкаются, наложило отпечаток не только на их внешность, но и на повседневную жизнь и поступки.

И лишь командировочным, не ведающим о сих глубинных трагических изменениях, казалось, что этот улей-институт по-прежнему гудит и выдает научный результат, а люди так же приветливо здороваются, энергично двигаясь по коридорам...

Не ведали этого и в министерстве: на общегражданские праздники все без исключения сотрудники получали одинаковые подарки и поздравления.

Однако радовались им за разными столами; женщинам уже не нужно было сновать между этажами с пирогами и салатами...

В новом году НИИ не представил в министерство ни одной новой разработки и технологии, ссылаясь на недостаток научного оборудования и кадров. Там приняли доклад к сведению и обещали принять меры, правда, с учетом непростой обстановки в стране, да и в мире в целом.

...Когда весна окончательно вступила в свои права, из министерства пришли квоты: либо на установку новых лифтов отечественного производства, либо на закупку андронного коллайдера. Директор созвал совещание. Все единогласно проголосовали за коллайдер. Мудрое руководство НИИ всегда ставило науку и интересы страны выше мещанского комфорта.

Море удовольствия

Рассказ

...Павел Сергеевич был обычным инженером, который в «лихие девяностые» переквалифицировался в бухгалтеры; работал в обычной фирме со средним оборотом. Его жена была обыкновенной женщиной с банальной внешностью и таким же именем. Его дети – средних способностей и – впоследствии – такой же средней перспективы жизненного успеха. Его квартира была среднестатистическим жильем с советской мебелью и всем остальным китайского производства; на дачный участок в шесть соток по непрестижному направлению семья приезжала на некогда самой популярной в СССР машине – «жигулях» шестой модели.

Павел Сергеевич был настолько зауряден, насколько можно себе вообразить. Впрочем, в этом он был не одинок: миллионы таких вот «Павлов Сергеевичей», собственно, и составляют костяк любой страны. Они – ее становой хребет, опора государства в его радостях и бедах.

Жизнь таких людей, как правило, загодя расписана до самой смерти; а небольшие отклонения от этой генеральной линии лишь подтверждают правило: каждый сверчок знай свой шесток.

Однако одно небольшое отличие от других у него всё же имелось.

Павел Сергеевич практически всегда находился в добром расположении духа; а периодически и вовсе испытывал погружение в море удовольствия – или даже в океан наслаждения! Однако погружаться он предпочитал исключительно в одиночку: его домочадцы оставались на берегу.

Он не пил водки и не курил сигарет. У него не было сумасшедшего хобби, угрожающего семейному бюджету. Он не был ни гурманом, ни франтом, ни нарциссом, был равнодушен к деньгам и комфорту. Не волочился за женщинами, не интересовался техникой. Его не возбуждал даже святой для таких людей футбол.

Нет, Павел Сергеевич получал наслаждение от процесса, не требующего от него никаких усилий или трат.

Он получал неземное удовольствие от обличения системы.

Он знал о ней всё! И это знание позволяло ему, поднявшемуся над общей серой массой, чувствовать себя спокойно и уверенно, живя в гармонии с самим собой.

– Тэ-эк-с, этикеточки переклеиваем? – Он брал расфасованный продукт и, понюхав его для верности, совал под нос менеджеру торгового зала. – На Западе просроченные товары выбрасывают! А у нас – вымочат в марганцовке, оботрут уксусом – и на прилавок! А хлеб?! Мало того, что пекут из кормовой муки, так еще и консервантов набухают – неделю не плесневеет!

– Пачэму ис кармавой? – вопрошал гастарбайтер, выкладывающий буханки.

– А потому, дорогой, что вся пшеница высших сортов идет на экспорт! – назидательным тоном отвечивал Павел Сергеевич. И – покидал магазин, ничего не купив.

... Дома жена, едва разобрав тяжелые сумки, начинала готовить ужин из «неправильных» продуктов. Муж приходил домой и шел на кухню.

– Ты знаешь, что состав моющего средства у нас и на Западе разный? Марка-то одна, а состав разный – для нас его делают по устаревшей рецептуре: он жидок и ядовит! Неслучайно его рекламой забиты все газеты и ТВ: хороший товар в рекламе не нуждается! Мясо – проваривай дольше; ты что, всерьез считаешь, что всё оно проходит ветеринарный контроль?! Да сейчас за взятку можно купить любой сертификат...

– Да пошел ты вон с кухни! – Хотя каждодневное нытье жене уже и приелось, но иногда всё же вызывало всплеск возмущения. – Сходи лучше в парикмахерскую: полбанки шампуня уходит на твою шевелюру!

– Так потому и уходит, что вместо густого геля – жидкий кисель; это какую ж прибыль получают эти хреновы бизнесмены, разбавляя его! Впрочем, ладно, схожу; хоть расческа целее будет. Недавно купил новую – и вот, полюбуйся: уже пяти зубьев нет! Специально из такой паршивой пластмассы делают, лишь бы она быстрее сломалась! Чтобы я новую купил... Объемы, прибыль, оборот... Чтоб вы сдохли, сволочи!

В парикмахерскую Павел Сергеевич шел улыбаясь.

– Почитай, на крышу треть дохода уходит? – поинтересовался он, по-барски располагаясь в кресле.

– Какая крыша – мы ж на первом этаже! Крышей ДЭЗ занимается – мы лишь коммуналку платим, – закрывая его накидкой, отозвалась мастер.

– А вы с юмором. – Павел Сергеевич кусал губы, чтобы не рассмеяться в голос. – А то не понимаете, что я про другую крышу говорю – криминальную! Да на взятки пожарным, СЭС... Отсюда и зарплаты в конвертах... А если помещение приглянется кому-нибудь крутому – то всё! Выматывайтесь со всем скарбом к чертовой бабушке. Кстати... в фирменных-то пузырьках небось наш, дешевый шампунь?

Мастер с каменным лицом подстригла его за рекордное время.

– Потогонная система: быстрее, быстрее, больше клиентов – больше прибыль; небось уж с ног валитесь, по двенадцать-то часов работая без выходных? – Лицо Павла Сергеевича излучало спокойствие и умиротворение.

Несмотря на то что автомобилем пользовались лишь для поездок на дачу, иногда он всё же ломался. Обличительные речи клиента о взятках, поборах, поддельных запчастях, криминальных автомобилях и перебитых номерах приводили мастеров в бешенство; и не столько из-за темы разговора, сколько из-за того, что говорил он под руку.

С чувством выполненного долга возвращался наш герой из мастерской.

Засмотревшись на дорожных рабочих, клавших асфальт в воду, выехал на пешеходный переход.

– Что ж вы так, Павел Сергеевич? – Инспектор неторопливо изучал документы. – Задумались?

– Засмотрелся! – дерзко ответил водитель. – Это ж какая наглость – среди бела дня у всех на глазах осваивать бюджет города таким способом! Этот асфальт и сезона не пролежит! Да и подряд-то получили с откатом – уж как пить дать...

Инспектор крякнул и вытащил права из бумажника.

– Присядьте в машину, составим протокол.

– Был сегодня улов-то? – хитро прищурился Павел Сергеевич. – Ну, я могу добавить, если что. Мы всё понимаем: кто пойдет на эту адскую работу за одну зарплату?!

Инспектор изменился в лице. Размашисто вручил права и произнес холодно:

– Впредь будьте внимательнее!

Дома Павел Сергеевич поужинал и лег спать с чувством глубокого удовлетворения.

Его супругу терзали два противоречивых чувства: с одной стороны (особенно в глазах ее подруг), муж являл собой пример идеального семьянина, но с другой – она чувствовала, что начинает медленно, но верно сходить с ума.

Она заметила за собой это в канун Восьмого марта, когда Павел, как всегда, явился с работы трезвый и без цветов.

...Он не употреблял спиртного, ибо знал, что половина его – подделка и нет гарантии, что он не отравится. А цветов не покупал оттого, что не мог заставить себя брать «розочки», накачаные химией, да еще и за цену в три раза бóльшую, чем в обычные дни.

Он не хотел спонсировать криминал, продажных чиновников и вороватых бизнесменов.

Однако впервые за эти годы супруга поймала себя на мысли, что отсутствие цветов вкупе с традиционным брюзжанием мужа даже в этот святой для всех женщин день не вызвало в ее душе ни возмущения, ни протеста!

Она поняла, что это и есть начало конца.

Впрочем, так могло продолжаться еще бог знает сколько времени, если бы чаша терпения внезапно не переполнилась.

Скоропостижно скончалась ее мать, жившая в отдельной квартире.

Павел Сергеевич проявил себя во всей красе: еще никогда ему не доводилось обличать всю насквозь прогнившую систему ритуальных услуг, ибо у него просто не было повода! Сначала свою порцию получил похоронный агент, затем – работники морга и, наконец, рабочие, рывшие могилу.

На поминках «лекции» продолжались. Кроме обширных сведений о криминальных взаимоотношениях всех участников похоронного бизнеса, скорбящие узнали много нового о продуктах на столе, оказании (а точнее, неоказании!) медицинской помощи пенсионерам, да и о самой власти, погрязшей в кумовстве и коррупции. Редкие спонтанные желания помянуть усопшую решительно пресекались вошедшим в раж мужем, оставшимся без тещи.

...Жена пригрозила разводом и разбездом: она с детьми остается в «трешке», а мужу предлагалось занять «однушку» матери.

Впрочем, даже такая несложная рокировка Павла Сергеевича сильно возмутила: неужели эта глупая женщина не понимает, чем чревато общение с государственной машиной в лице коррумпированных чиновников?!

...Супруга пошла в церковь. Она поняла, что святые образа и батюшка – единственные, кто сможет помочь ей в этой ситуации.

Разумеется, муж не знал о визите. Пока она не проговорилась об этом подруге. Рядом с телефоном находился Павел.

...Обличительная трехчасовая речь о попах, купающихся в роскоши на пожертвования старушек, привела супругу к открытому окну: быть может, разом решить все проблемы? Однако мысль о том, что на ее похоронах муж «выложится» так, что речи на поминках матери покажутся лишь генеральной репетицией, заставила ее закрыть окно: не дождется!

Впрочем, ее душевных терзаний муж не замечал: он увлекся соцсетями, на которые его «подсадил» сын. Отныне телевизор получил отставку: все вечера Павел Сергеевич проводил у компьютера.

Прикусив кончик языка, он строчил гневные, обличительные комментарии к сообщениям в новостной ленте. Вступил в группы «Прекрасная страна СССР», «Автомобилисты против», «Религия – яд», «Сообщество возмущенных потребителей» и прочие, где подобные ему ерничали, клеймили, возмущались и обличали. Однако разве эти дилетанты могли сравниться с настоящим профи?! Ощущение глобального превосходства поднимало настроение и душевный комфорт Павла Сергеевича на недостижимую высоту.

В соцсетях попросился в друзья некий Алексей Т. Посмотрев его профиль, Павел вздрогнул: это был друг детства, эмигрировавший в Америку лет пятнадцать назад.

«Лёшка! Чёрт тебя подери, как ты?!» Руки Павла летали по клавиатуре. Алексей отвечал. Павел, в свою очередь, писал о себе. «Я прилечу двадцать пятого и всё расскажу, сообщи свой телефон», – написал Алексей. На том и закончилась их бурная переписка.

...Алексей позвонил ближе к вечеру. Он ждал Павла в элитном ресторане.

Павел растерялся. Последний раз в ресторане он был, наверное, лет эдак... Он не знал, что сейчас полагается надевать в этом случае. Сделав запрос в поисковике, пришел в уныние: ничего даже приблизительно похожего в его гардеробе не было. Он нацепил на себя всё лучшее, новое и, догадавшись поймать такси, прибыл к ресторации точно в срок.

...Алексей был американизирован, спокоен и даже, как показалось Павлу, немного грустен. Его энергетическое поле было гладким, но при этом стабильным и могучим, в отличие от поля Павла: нервного, возбужденного, рваного.

Выпили. Закусили. Поговорили.

Павел пытался разговориться на привычную для него тему: обсудить качество блюд и те безумные цены, которые ресторан был вынужден установить с учетом откатов, поборов и накруток. И воровства поваров.

Алексей молча слушал, положив голову на сложенные домиком руки.

– Да-а, – завистливо протянул Павел. – У вас-то всё по закону, по правилам, не то что тут...

– У нас? У нас по-разному, – отозвался Алексей. – Но я приехал сюда не обсуждать ваши проблемы... Я хотел бы тебе напомнить об одной истории. Ты помнишь, в... семьдесят девятом... да? Мы пошли на Москву-реку, сели в привязанные лодки и стали их раскачивать?

– О-хо-хо! Спрашиваешь... – Павел моментально преобразился: из него вышел взрослый и вошел, не спросив разрешения, ребенок. – Ты хотел перебраться в мою лодку, но сорвался и полетел в воду! А она ж холодная – середина мая... Не забуду, как ты вылетел из нее, так быстро, что даже труссы остались сухими! Потом костер разожгли, сушились... Картошку туда заложили и хлеб на палочках жарили!

– А потом? – холодноватый и пристальный взгляд Алексея сверлил Павла.

– Хех! Ты уронил картофелину... Встал, неловко повернулся, поскользнулся на ней и полетел прямо в костер! Да головой ударился о бревно, на котором я сидел... Ты отключился, что ли? Ну, я тебя под мышку рванул; вытащил и потащил в воду! Уж тут теперь намочил ты труссы. – Павел рассмеялся. – Но всё равно, ожоги были у тебя – ой-ой-ой! Ты ж голый был... даже я малясь обжегся. Вон было потом, разборок, кто да что... Мать твоя прибежала... Помнишь?..

– Помню... – Алексей налил, и они выпили. – Э... любезный! Принеси нам еще такой же осетрины, она у вас божественна! – обратился он к проходившему официанту.

– Спасибо, что пригласил меня... – Павел шмыгнул носом. – Я, знаешь ли, осетрину...

– Я всё знаю, – перебил Алексей. – Я знаю, что ты тогда спас мне жизнь... Если бы ты замешкался или вообще тебя не было бы рядом, я сгорел бы заживо, потому что ударился головой и потерял сознание... Да и то – у меня до сих пор отметины на теле есть... Я не забыл это! Но возможности отблагодарить тебя как положено у меня не было. А сейчас... Я не буду рассказывать, чего мне там это стоило, но я добился многого! На моём счету двадцать миллионов; и это не считая недвижимости, средств в обороте и акций...

– Долларов?.. – выдохнул ошарашенный Павел. – А... а чем ты занимаешься?

– Неважно, я не об этом, – махнул рукой Алексей. – Я хочу дать тебе три... Но не в руки, иначе ты их потеряешь. Ты вложишь их в свой маленький бизнес. Ну, откроешь кафе там, ателье, парикмахерскую или магазинчик... Но только – через управляющую компанию;

плюс – ты же сам бухгалтер! Всё будет окей: ты обеспечишь семью до гроба, и у меня совесть будет чиста... Идет?

– И-и-и... ги-хи-хи... – Павел довольно правдиво изобразил умалишенного.

Однако Алексей был настроен решительно. Он нашел нужных людей, и Павлу открыли кафе «Сергеевич», парикмахерскую «Мария» (по имени дочери) и магазинчик «Продукты у дома». Часть денег, разумеется, при этом украли, однако всё равно осталось немало. Павел Сергеевич купил детям по квартире, себе – шикарное авто, а жене нанял домработницу.

Фотографии Алексея висели в квартирах и в кабинетах всех заведений. Потенциальных внуков было приказано называть Алексеями, а внучек – Алёксами.

Несмотря на то что заведения освятили, бизнес шел ни шатко ни валко; однако деньги Алексея хотя бы престали утекать с космической скоростью. Управляющие магазином, парикмахерской и кафе обеспечивали работу заведений, бухгалтеры считали прибыль и налоги, а персонал обслуживал покупателей и клиентов. Все трудились на совесть. По двенадцать часов и под угрозой увольнения.

Хозяин любил объезжать точки и важно прохаживаться по залам. В это время он погружался в океан наслаждения. Он проверял отсутствие пыли, выкладку продуктов и вежливость персонала. Впрочем, иногда он позволял себе большее.

– Тэ-эк-с, этикеточки переклеиваем? – Он брал расфасованный продукт и, понюхав его для верности, совал под нос управляющему.

– Еще никто не жаловался... – Тот изображал подобие улыбки.

– Если пожалуются, будет поздно! С тебя вычту за поборы СЭС!..

В парикмахерской хозяин со знанием дела исследовал шампунь.

– Если разбавляете, то в шампуне должна быть вода, а не в воде шампунь! Совсем наглость потеряли?! Нужны суперпузырьки – говорите; как у меня закончится шампунь – принесу.

В кафе он захотел перекусить.

– Павел Сергеевич, я вас прошу, может, не надо? – вкрадчиво поинтересовался менеджер.

– Знамо дело, не надо, пошутил я... – гаденько захихикал Павел. – Смотри мне! За что наказывают, знаешь?

– Не за то, что украл, а за то, что попался, – по-военному четко выдал менеджер.

– Попадешься – всё на тебя повешу! Квартиру продашь, в подсобке жить будешь...

После инспекции Павел Сергеевич поехал на лично-деловую встречу в элитный ресторан. Присутствовали депутаты местного законодательного собрания, бизнесмены, банкиры, представители МВД...

Внезапно пришедшая в голову мысль буквально парализовала его: он застыл с вилок в руке и закашлялся.

... Отчего бы ему не баллотироваться в депутаты? Ведь это даст несопоставимые возможности для нового бизнеса; а если еще и лоббировать чьи-нибудь интересы?! Да это же золотое дно!

Дома, засыпая на атласных простынях под шелест кондиционера, Павел Сергеевич уже представлял себя в кресле депутата.

Представлял, погружаясь в море удовольствия.

Сон длиной в жизнь

Рассказ

Утро в семье Перхушкиных началось как обычно и ничем не отличалось от любого другого утра во всякой простой семье: очередь в ванную, гудящий чайник и полусонные перепалки под работающий телевизор.

Только вот глава семьи не вышел к завтраку. Он сидел на кровати с изумленным лицом и тер лоб.

– Что, головка бо-бо после вчерашнего? – ласково поинтересовалась жена. – Ну, давай, ать-два! Электричка ждать не будет...

– Дуреха ты, – тоскливо протянул Олег. – Я ж вчера почти сухой пришел! Как и позавчера... И вообще... Мне знаешь какой сон приснился? Цветной, как живой!

– Иди за стол, сон ему приснился... Как ребенок, чесслово. – Наталья кинула на постель одежду мужа. – Давай, живо!

Олег медленно оделся и, не заходя не только на кухню, но и в ванную, прошел к выходу.

– Я пошел. Есть не хочу. Умываться даже не буду – смою еще память... Сперва ребятам расскажу, пока не забыл... Всё! Ушел.

– Не, ну ты спятил, что ли?! – Наталья метнулась с кухни и буквально налетела на мужа, уже стоявшего в дверях. – Какой еще сон, ты о чём?

Но Олег отстранил ее царственным жестом. Смерив жену взглядом, которого она у него ранее не видела, он шагнул к лифту. Нажал кнопку. Повернулся к ней.

– Мне приснилось, что я женился на певице.

Двери лифта захлопнулись, словно отсекая ее мужа от этой жизни и унося в какую-то другую. На площадку вышел сын.

– Что там с ним?

– Двинулся, что ли, папаша твой? – неопределенно-растерянно отозвалась мать.

Олег работал в аварийной бригаде энергетиков; при отсутствии повреждений сетей «бойцы электрического фронта», как называл их бригадир, сидели в прокуренной комнате отдыха, травили анекдоты, играли в карты и лужгали семечки под работающий телевизор.

– Так *(везде далее я буду опускать непечатные выражения. – Прим. авт.)*, газеты убираем, ящик выключаем, все слушай, значит, сюда! – распорядился Олег, неторопливо усаживаясь в кресло. – Чаю мне согрейте, не завтракал я... Расскажу я вам сейчас... Что-то нечто. Я женился на певице!

Бурную реакцию рабочих, перебивавших друг друга исключительно матерными словами, я воспроизвести, естественно, не смогу. Скажу лишь, что реакция была удивленно-восхищенно-возмущенной.

– Всё нормально. – Олег зачем-то рукой описал в воздухе круг. – Мне сон такой приснился. Цветной. Как есть всё помню. Умываться даже не стал, боялся смыть, во как! Орать будем или слушать?! – пресек он потенциальные перепалки.

Мужики затихли.

...Еще никогда Олег не выступал перед такой большой аудиторией, готовой жадно поглощать каждое его слово. Все глаза устремились на него.

Он почувствовал себя будто на сцене; и это чувство помогло ему лучше понять ту, на которой он женился. И за это Олег был благодарен своим коллегам.

– Почему я женился, свадьбу там и всё такое остальное, значит, я не помню, – начал он, отхлебнув чаю. – Певица не наша, сразу говорю, заграничная, а то начнете тут всех перебирать, – торопливо поведал Олег. – В общем, помню я только жизнь с ней, и как на концерты ездили, и там всякое-разное; певица – не знаю кто, я их не знаю всех там... Жили мы на вилле, рядом, значит, море было, и зелени много... Перед верандой зелень... А я? Я в плетеном кресле сидел и пиво потягивал... во как! Заткнитесь! А то я забуду что, потом, после смены, за бух-

лом базар будет. – Олег замахал руками, словно отгоняя чужие слова и энергетику от своей драгоценной головы, в которой находились такие милые и ценные воспоминания!

– Вот, помню, значит, собираемся на концерт; везде одежда, чемоданы... А она бегаёт в одной ночнушке и орет. Она орет, а мне пофиг, во как! Я только улыбаюсь – чем больше сейчас наорется, тем спокойнее, значит, там будет, то есть выдохнется вся. Жаль, лицо вот как-то смазанно у меня выходит... Но помню – смуглое оно, волосы длинные черные. Вынимает одно платье за другим, к себе прикладывает, ругается и на постель швыряет, не подходит, мол, надеть нечего, во как!

– Гы-гы-гы, ну прямо как моя, – загоготал Павел. – Тряпья полно, а как куда пойти – так типа надеть нечего...

– Ага. И обуви нет – хоть босой иди! Знамо дело, проходили, – ухмыльнулся Владимир. – Только лучше на это не обращать внимания: иначе только на тряпки и будешь пахать!

– В общем, значит, она орет по-своему, а я лишь жду, когда она одежду выберет, чтобы ее в чемодан сложить. И еще – пишу я список, что с собой взять, – продолжил Олег. – Приезжаем в гостиницу, а там уже фанаты с цветами стоят. Так я их матом, по-нашему, значит. А потому что она не любит, когда фанаты перед концертом ей мозг выносят, только после, во как! Там нас встречают, а я вещи несу, но помню, что в разные комнаты... Вроде я ей расслабляться мешать буду, во как! А ко мне какие-то люди всё пристают, мол, интервью хотим взять – и всё такое; а я им – пошли на... значит. Только после концерта!

– Слышь, погоди ты. – Самый пожилой член бригады рубанул рукой перед лицом Олега, словно хотел раскроить ему череп. – Ты базаришь, что она по-своему болтала, по-английски, что ли? А как же вы тогда общались, а?

– Ха! – Видно было, что Олег едва ли не ждал такого вопроса. – А никак не общались... Чего общаться-то? Она сама с собой, значит, хорошо общалась, во как! Смотрит концерт какой по ящику и тут же вскрикивает и руками размахивает: мол, посмотри, какая дура, не то что я! Ну, я киваю; мол, так и есть, дура... Фоткать себя на телефон обожала. Сфоткает и мне показывает: хороша, мол? Ну я киваю и улыбаюсь: хороша! Да, и палец вверх поднимаю, во как! А чего по делу – так там прислуга; всё делают, значит, что нужно... А мне и хорошо – никто мозг не выносит: сделай то да сё... Моя задача, значит, была ее везде сопровождать, чемоданы носить, на концерте помогать, фанатов отгонять... Одной-то везде ходить неловко, видно, ей было. Ну и дома скучно...

– А с тобой, значит, весело, балабол? – ухмыльнулся Николай.

– А то! – вскинулся Олег. – Вечером стол накроем, свечи, значит, зажжем. Сядем с ней, шампанского выпьем; любила она его... А если из радио ее песня пойдет, то и вовсе она рада незнамо как! А потом уложишь ее и даже одеяло под ноги подоткнешь; да мишку плюшеву положишь – любила она их, во как!

– А тебя-то она любила, я не понял щас?! Иль токмо мишку? – хохотнул Алексей.

Хлопнула дверь.

– Кончай треп, заявка. Угловая, тридцать два. По одной стороне дороги освещения нет. – В помещение вошел бригадир.

– Эх, Михалыч, такой кайф обломал ты нам: Олежка на певичке женился, – мрачно изрек Сергей.

– Ты, что ли? – Бригадир для верности ткнул пальцем в Олега.

Тот кивнул.

– Ты палёнки, что ль, обпился? – неопределенно-вопросительно поинтересовался бригадир.

– Да пошли вы все!!! – неожиданно даже для самого себя вскрикнул Олег. – Зря вам только рассказал... И больше не дождетесь!

В нём вскипела злость: грязные и грубые мужицкие руки будто прикоснулись к чему-то нежному и чистому. Прикоснулись и изгадили.

Дома, за ужином, жена решила внести ясность насчет утренней выходки мужа. Но Олег лишь сухо сообщил, что ничего рассказать бригаде не успел, поскольку всё забыл.

– Ну так это не сон был, а так... – заключила супруга. – Вот мне неделю назад твоя мать привиделась, так я до сих пор помню! Еще бы: пришла к нам и говорит, мол, я квартиру свою гастарбайтерам сдала и теперь у вас жить буду!

– Да не тронь ты мою маму! – вскинулся Олег. – Уж два года как нет ее, а ты всё не уймешься...

Он, не доев, встал из-за стола, оделся, взял ключи от машины и вышел на улицу. Сел в свои «жигули», включил радио. Откинул спинку сиденья, закурил. Сзади из дешевых динамиков неизвестная ему певица на английском языке самозабвенно дарила публике свою любовь.

...Олег сидел долго; нажимая клавишу «Поиск», он пытался найти те песни, что слышал во сне. Песни своей Певицы. Но они всё не находились...

– Ну и где тебя черти носили?! Мобильник вон – дома лежит... – Удивлению жены не было предела.

– Бомбил... – мрачно изрек Олег. – Но впустую.

Ночью его одолели воспоминания. За прошедшее время из памяти стерлась часть событий, зато некоторые из них вспыхнули ярким светом. Впрочем, ему не нужны были подробности; он просто вновь захотел попасть туда, в этот мир.

Захотел попасть в эту суету за кулисами, в эти запахи, в эту атмосферу, наполненную музыкой, шумом и разговорами десятков людей, обсуждающих непонятные ему вещи. Он захотел увидеть зал из-за кулис, когда тысячи глаз направлены на сцену, где должна выступить его Певица!

Захотел увидеть, как она выходит из гримерной; в этом макияже и наряде он едва узнаёт ее, настолько сейчас она чужда, неприступна и строга, настолько непохожа на ту, домашнюю, которую он укладывал спать с мягкой игрушкой...

А потом – начинается концерт, и он, стоя сбоку от сцены, видит и зал, и ее со спины; и ему передается и энергетика зала, который дарит Певице свое обожание, и энергетика Певицы, посылающей в зал свою любовь к нему и музыке.

Концерт окончен; она идет в гримерную, потная и возбужденная, освещая собой всё вокруг. А у подъезда уже ждет толпа неистовствующих фанатов; Певица начинает раздавать автографы, но быстро понимает, что всех осчастливить не может. Он пытается помочь охранникам оттолкнуть фанатов, но его руки заняты множеством букетов, и это получается скорее забавно, чем эффективно.

...Дома она успокаивается; исчезают нервозность, возбуждение и некий вампиризм; остается только детская вера в мир, ставший чуточку лучше благодаря ее песням. Остаются наивность, хрупкость, незащищенность... Остается потребность в нём – сильном и умном, способном защитить ее и решить любые проблемы, которые постоянно подбрасывает ей жизнь.

А он хочет! Хочет буквально накрыть ее своим телом, изолировав от всего нахального, подлого, «желтого»; от зависти и сплетен коллег, вороватых импресарио, сумасшедших фанатов, да и вообще – от такого страшного и непредсказуемого мира, который сначала легко принял и полюбил ее – сияющую и успешную, но потом может так же легко низвергнуть в пучину забвения, едва она споткнется и ее звезда потускнеет...

Но он – он всегда будет на страже; поэтому она не узнает и сотой доли того, от чего он ее уберег; для него она навсегда останется звездой, поскольку горячая и искренняя любовь

одного человека стбит больше, чем фальшивая «любовь» публики и мира шоу-бизнеса, которые «любят» Певицу лишь тогда, когда она находится в зените славы...

Следующим вечером Олег снова взял ключи и сказал, что поедет бомбить. Но он не сел в авто, чтобы послушать музыку. Он пошел к метро, около которого находился ночной клуб.

Такой клуб он видел в американских фильмах. Там, должно быть, накурено, звучит громкая музыка; между столиками толкаются пьяные, в туалете «ширяются» наркоманы, на сцене изображают стриптиз, а за неосторожное замечание разгоряченному посетителю запросто можно получить по морде. Олег знал всё это и отчаянно трусил. Но отступать было не в его правилах. Он подозревал, что это не совсем то, что нужно, но... сейчас ему было необходимо хоть что-то подобное: он ничего не мог с собой поделать!

...Он несмело отворил дверь и вошел в темный холл. Никто не встретил его. Музыка тоже не было слышно. Осмелев, он прошел дальше, в зал. Там никого не было, если не считать уборщицы, пылесосившей ковровин.

– Ми отъкриваемся в девять, – сообщила она.

– А тут прямо ночной клуб, да? – Олег осмелел настолько, что решил выведать у этой таджички хоть что-то, чтобы не опозориться, когда клуб заполнят посетители.

– Да-а, да... – ответила она, продолжая пылесосить.

– А стриптиз тут есть? – выдохнул Олег неожиданно для самого себя.

– Ситириптис не-е-ет, это тут караоке-клуб! – Уборщица выключила пылесос и собралась уходить.

– Наркоманов небось много тут? – неуверенно продолжил расспросы Олег, доставая сигарету.

– Наркоман не-е-ет... тута нельзя курить! – испуганно воскликнула уборщица, едва не выронив пылесос. – Садьтесь тут!

Но Олег не последовал ее совету; вместо этого он вышел из клуба, возвратился к метро, где купил шаурму и пиво: ему нужно было успокоиться и наметить план дальнейших действий. Быть может, это какой-то неправильный ночной клуб и там нет певиц?

Но возвращаться домой несолоно хлебавши не хотелось.

Он взял еще чебурек и пиво. Медленно прикончил их и, глубоко вздохнув, направился в сторону клуба.

...В полутемном зале уже играла громкая музыка. Сигаретного дыма не было; не было и пьяных: все чинно сидели за столиками. На сцене, освещенной разноцветными прожекторами, в клубах полупрозрачного дыма Олег увидел певицу. Ее лицо показалось ему смуглым, а волосы были темны. Ее прекрасный наряд подчеркивал точеную фигурку. Она дарила свою любовь посетителям клуба на английском языке.

Олег быстро подошел ближе, и его жадный взгляд поглотил ее всю.

Но он не взволновался; наоборот – ощутил некую усталость: он уже хорошо знал, что будет потом.

...Она войдет в гримерную и начнет переодеваться. А ему нужно быстро собрать разбросанные вещи, включая распотрошенный макияжный набор, да не пускать персонал клуба, жаждущий автографов и совместных фото. Схватить чемоданы и, не забыв про цветы, идти к машине, моля бога, чтобы около нее не оказалось толпы фанатов...

Это было просто и привычно; единственное, что сейчас заботило его, – реллинги под потолком, на которых висели прожекторы. Они резко вращались в разные стороны, из-за чего вся конструкция вибрировала и покачивалась.

Олег опытным взглядом мастерового человека пытался оценить, насколько надежно она закреплена и сможет ли он успеть закрыть своим телом певицу, если всё это, не дай бог, рухнет прямо на нее...

Певица закончила выступать и отдала микрофон какому-то парню, вышедшему на сцену. Заиграло вступление.

Олег не понял. Почему певица спела только одну песню? Или это была последняя песня? Но ведь между его визитами прошло всего полчаса! Он подошел ближе к большому пульту управления, за которым находился человек,двигающий на нем ползунки. Олег перегнулся через пульт и заорал ему прямо в лицо:

– Слышь, парень!!! А кто это сейчас был?! Она чего – одну песню спела, что ли?!

– Понятия не имею, это посетитель... Все поют по одной песне! У вас какой номер? – Звукорежиссер ответил не очень громко, однако Олег его хорошо расслышал. Но ничего не понял.

– Если ваша очередь не сейчас, присядьте, пожалуйста, за столик. – Перед Олегом возник молодой человек.

– Ты кто? – бесцеремонно поинтересовался Олег.

– Я менеджер клуба. Тут... нельзя находиться.

В Олеге вскипело рабоче-крестьянское возмущение, вскормленное литром пива: какой-то сопляк собирается указывать ему, где стоять!

– А я – я женат на певице! Не нашей, она по-английски поет, понял, молокосос?

Для полноты картины Олегу нужно было натянуть кепку на нос этому наглецу, но увы: у менеджера головного убора не было.

Олег по привычке сплюнул и пошел в сторону выхода.

Волшебная сила искусства

Рассказ

Нине К. было немного за тридцать. Сразу после окончания библиотечного факультета она пошла работать по специальности. Это было осознанным решением: Нина не только обожала читать, но и любила книги как вещи. Впрочем, книги она не только читала, но и писала сама! А еще – Нина увлеченно рисовала; целая комната была отдана под мастерскую. Нина могла себе это позволить: после смерти матери она осталась одна в двухкомнатной квартире.

...Она писала о природе – это была ее любовь номер три, после книг и картин. Нина описывала запахи времен года, страшное движение грозовых туч и шепот боявшихся урагана деревьев; жуков и муравьев,двигающихся под травинками, словно люди, пробирающиеся по бурелому... Удивительные создания природы – грибы, вобравшие в себя самую соль земли и непостижимым образом делящиеся на те, что взяли от земли всё лучшее и доброе, и те, что аккуратно собрали всё поганое и ядовитое. Этим грибы были похожи на людей. Впрочем, о людях она не писала, поскольку не очень-то жаловала их...

Героями ее книг были исключительно флора и фауна.

...А как она описывала жизнь животных! Если бы хоть одно из них умело читать или хотя бы слушать, оно было бы самым преданным Нине существом! Оно убирало бы квартиру, готовило бы еду, чинило бы бытовую технику – и при этом довольствовалось бы подстилкой у двери и обедками со стола Великого Писателя! Но увы – ни одно из известных науке живых существ, кроме человека, такими качествами не обладало...

А люди произведения Нины не жаловали.

Ее книги были написаны неровно: мысль то обгоняла слова, то плелась позади них. Одни события были описаны ярко, но скупо; другие же – тускло и многословно. Она слишком торо-

пилась передать читателю свою любовь к тому, что создано Богом; в текстах смешивались различные стили, присущие великим и не очень писателям, хромали стилистика и орфография, не было цельности повествования...

Нина была равнодушна к нарядам, еде и комфорту; она тратила почти все деньги (и даже брала кредиты!) на то, чтобы издать свои книги. И не было счастливее ее в тот момент, когда она, разрезав упаковку, прижимала к себе свое детище... Налиставшись вдоволь, она ставила книгу на полку рядом с классиками литературы и... любовалась получившимся сочетанием.

Затем она переходила в другую комнату и полностью отдавалась созданию картин. Она писала их в абстракционистском стиле, ибо не умела писать реалистичные пейзажи и портреты. Впрочем, до треугольников и квадратов она тоже не опускалась – ее картины были продолжением ее книг. Буйство красок природы выходило из-под ее кисти настолько необычным, что порой зрителю было трудно понять замысел художника...

Но Нине не нужны были критики; рисуя, она полностью погружалась в придуманный ею же самый мир – и чувствовала себя великолепно! Заполнив красками очередной холст, она испытывала радость, несравнимую с радостью обретения чего-то материального, что мог бы купить ей богатый муж.

Книги и картины дарились родственникам и коллегам по работе; других знакомых у Нины не было, если не считать «друзей» в соцсетях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.